

Коллаж ОВД-Инфо / Фото из личного архива Игоря Санджиева

05.11.2025, 15:11 **Калмыкия**

свой опыт

«Мы потомки воинов, а вы хотите мусор в тылу убирать?!» История пацифиста Игоря Санджиева, который дважды сбегал от войны

Игорь Санджиев — житель Калмыкии, мобилизованный осенью 2022 года. Мужчина бежал сначала из воинской части, а потом из России. После отбывания ареста в печально известном белорусском изоляторе на **Окрестина**, выдворения из Беларуси и нового побега из той же воинской части Игорь оказался в Казахстане — без документов и поддержки, с уголовным делом о незаконном пересечении границы,

но с убеждением, что не будет участвовать в войне. Мы поговорили с ним.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

«ЗАМАНИЛИ ОБМАНОМ И ЗАПЕРЛИ»

До начала мобилизации я жил в городе Элиста, [столице Республики] Калмыкия. Был разнорабочим. У нас бедная республика, которая находится на дотациях Москвы, поэтому возможности для развития нет. И тут неожиданно возник **этот** указ Путина о мобилизации.

Когда начался сам конфликт [в 2022 году], некоторые желающие уехать туда из патриотического порыва стали подавать рапорты в военкомат. Некоторые находились на Донбассе с 2014 года — в составе добровольческих формирований, но это было негласно. Кто-то тогда приезжал со Славянска или из Донецка, и с некоторыми я встречался, они рассказывали, что защищают Донбасс, что они бывшие военные, прошли Чечню и тому подобное.

Я просто слушал их. Я смотрю много новостей, но выводов никаких не делаю. Я знал, что там идет конфликт, украинский президент что-то там подписал, в новостях постоянно показывали эту Украину, что там все сепаратисты, экстремисты и нацисты. Я никак к этому не относился, просто от этого никуда не денешься. У меня был телевизор, и я его смотрел.

Игорь Санджиев в Казахстане / Фото из личного архива

22 сентября я прочел в интернете указ о мобилизации. Тут раздался звонок на мобильный, и мне сказали прийти в военкомат — якобы сверить данные. Военкомат — закрытая территория. Нас туда заманили обманом и заперли. Со мной были люди, некоторых из них я знал. Кто-то приехал на машине, пришлось им вызывать родственников, чтобы эвакуировать автомобили. Там нам сказали: «Вы теперь мобилизованы, вот указ президента, вы должны подчиняться приказам военкома, звоните родным и близким, пусть они решают ваши личные вопросы». С матерью я давно уже не общаюсь. Позвонил друзьям, товарищам, они кое-чего привезли. Товарищи сказали: «Командование разберется, вам же не проводили медкомиссию, там еще отсеетесь по возрасту». А на самом деле, когда я туда приехал, мне сказали: «У нас возраст не ограничен».

Мы с некоторыми пытались достучаться до этого военкома, пытались выйти. Но нам сказали, мол, сейчас составим в отношении вас рапорт, что вы уклоняетесь,

будет возбуждено уголовное дело. Там были полицейские, которые тоже усердствовали. Все это было принудительно.

Мы прождали до вечера. Привезли еще людей из районов — человек тридцать-сорок. На автобусе нас повезли в воинскую часть Волгограда. Так мы все стали военнообязанными.

«РАДИ ЧЕГО И КОГО Я ТАМ НАХОЖУСЬ?»

Когда мобилизованным начали выдавать деньги, началось поголовное пьянство, драки. Некоторые мобилизованные жили в городе на съемных квартирах, включая командование. Был **создан** калмыцкий противотанковый артдивизион, и местных бюджетников и предпринимателей заставляли делать взносы продуктами и имуществом. В часть привозили гуманитарную помощь — еду, ботинки, военное обмундирование, одеяла и подушки. Только мы их не видели — начальство на свои нужды использовало: продавало. Я лично не видел никакой тушенки или теплых носков. Мы все покупали за свой счет.

Гуманитарная помощь для российских военных / Источник: официальный телеграм-канал Минобороны России

Я там был два месяца. В месяц платили около 130 тысяч рублей — всем выдали карты Промсвязьбанка [на которые поступали средства]. Подготовка была формальная: читали пропагандистские установки, что «мы освободители от нацизма, народ Украины ждет нас, мы должны его освободить», потом тренировались шагать строем и петь военные песни.

Нас возили пострелять из устаревших орудий пятидесятих годов выпуска. Приезжали православные и буддистские священнослужители, которые читали проповеди и проводили молебны за здоровье воинов, несущих гуманизм и любовь, говорили про священный долг освобождения. Приезжали и руководители республики Калмыкия — [глава] Бату Хасиков толкал «пацифистские» речи, что мы потомки воинов, которые стояли на страже России.

Я слушал все это поверхностно. Большинство там рвалось в бой, хотели проявить героизм. Постоянно ходили

к командиру, спрашивали, когда нас отправят. Я чувствовал себя то в своей, то не в своей тарелке. Потом начал понимать, что все это бесполезно: кого там освобождать, в кого стрелять, что там делать, какая может быть идея? Ради чего и ради кого я тут нахожусь? Я стал вникать и понял, что нахожусь в бесполезном статусе.

В течение двух месяцев я начал понимать, что вот это вот — то, что начало правительство Российской Федерации, — направлено на агрессию под предлогом защиты. Народ Украины отношения к России не имеет — это отдельная страна, которая живет по своим законам.

«УГРОЖАЛИ, ЧТО БУДЕМ СИДЕТЬ ПОЖИЗНЕННО»

Перед первым побегом я был на военном полигоне, который находится в двадцати километрах от города. Просто отодвинул колючую проволоку, вышел на трассу и доехал до Волгограда — вот и все. Оттуда поехал домой. Некоторые это (побег — *ОВД-Инфо*) делали молча — просто находились дома и все. Там был очень хороший недокомплект состава.

Где-то полмесяца я находился дома. Потом мне позвонил командир и сказал, что я должен вернуться, стал угрожать, что я нарушаю присягу. Я ему ответил, что не хочу участвовать в агрессии против соседней страны. Он сказал: «Я материалы на вас направляю в соответствующие органы, будете наказаны военным судом». Я сказал: хорошо, тогда хочу написать заявление на альтернативную службу. Он ответил: «Мы — потомки буддистского народа, которые защищали Россию, у нас все воины и герои, а вы хотите в тылу мусор убирать?!» В общем, не дал мне этого сделать.

Пункт отбора на военную службу по контракту в Элисте / Источник: официальный сайт Минобороны России

После этих слов я собрался и уехал из Калмыкии в Москву. Там был месяц, пытался устроиться на работу, но везде требовали военный билет, а там стоит отметка о мобилизации. Потом я уехал в Санкт-Петербург. Пытался выехать из страны, искал контакты иностранных посольств. Посольство Германии отказало: «Мы такой категории визы не выдаем, вы взяли в руки оружие, подчинились воле президента, который развязал эту агрессию». Я ответил, что имею пацифистские убеждения, и меня за них преследуют, могут завести уголовное дело. Но разговор был окончен.

Некоторые посольства хотели со мной встретиться лично, но там (на территории посольств — *ОВД-Инфо*) есть полиция, и меня это пугало. После Нового года я уехал в Беларусь, где был полмесяца, обращался в посольства — многие даже разговаривать не хотели. Потом секретарь консула Латвии в Витебске сказал: «Консул не против с вами встретиться, можете приехать». Я стал собираться в этот Витебск, и на вокзале меня арестовали сотрудники КГБ: сшибли с ног и повалили на пол.

Мне сказали: «Поступила информация, что вы занимаетесь экстремистской деятельностью, ходите по иностранным посольствам, пишете обращения. Мы проводим проверку, затрагиваете вы наши интересы или нет».

Мне приписали [статью] «сопротивление» (скорее всего, речь идет о ст. 24.3 КоАП РБ «Неповиновение сотруднику милиции» — *ОВД-Инфо*). Присудили 15 суток ареста. После этого я содержался [в изоляторе] на Окрестина с политическими заключенными в нечеловеческих условиях. Спать не давали: каждые два часа нужно вставать, представляться, называть статью. Ни бани, ни прогулок не было. В камере размером 15 квадратов находилось 20 человек, спали по очереди. Гигиенические приборы не давали, никакой связи с внешним миром.

Политические заключенные отбывали там административные аресты. Некоторые там находились 15 суток, их выводили в коридор, они расписывались в вынесенном судом постановлении и дальше продолжали отбывать. Некоторые так находились там по 30-40 дней. Аресты получали за то, что ставили лайки [в постах] против Лукашенко, с кем-то состояли в переписке, с кем-то фотографировались. Были случайные люди: например, человек водку пил с соседом, а сосед был против Лукашенко, и первого человека записали в сообщники. Сотрудники хамили, постоянно угрожали, что составят рапорт, и люди там будут сидеть пожизненно.

ЦИП ГУВД Мингорисполкома на Окрестина / Фото Wikimedia Commons

«ОТТУДА ТОЛЬКО ОДНА ДОРОГА — НАВЕРХ, К БОГУ»

[Когда подошли к концу 15 суток] меня перевели в другой блок. Пришел сотрудник миграционного департамента с бумагами о том, что я подлежу выдворению с запретом въезда на 10 лет. Я попросил у них копию, они сказали: «Вам не понадобится». Я стал ждать выдворения и находился еще 15 дней в другом блоке. Там были граждане Ирана, Сирии, Пакистана, Таджикистана. Условия были немного лучше. Были гигиенические процедуры, прогулки, людей в камере было меньше. Обращение было со стороны сотрудников лучше.

Меня заставили купить билет [авиакомпания] «Белавиа» за свой счет. В марте 2023 года я прилетел в Шереметьево. Подошли сотрудники полиции с информацией, что я нахожусь в розыске по статье «побои» (ст. 116.1 УК). Какого-то туриста толкнули в августе 2022 года, он написал заявление и опознал меня по фотографии. Я этого туриста не видел и в тот день находился в другом месте. Тогда [летом 2022 года] меня вызвали, а туриста уже не было — он уехал и больше

никакого опознания не было. Дело прекратили, а потом неожиданно — возобновили. За мной персонально приехали из Калмыкии за полторы тысячи километров.

ЗА ЧТО ЕЩЕ БЫЛ СУДИМ ИГОРЬ САНДЖИЕВ

По данным **издания** «Медиазона», до задержания в московском аэропорту Игорь Санджиев уже был дважды судим. В 2017 году его приговорили к двум годам условного срока **по делу** о поджоге (ч.2 ст. 167 УК) двери в квартиру матери своей знакомой.

Как следует из материалов дела, женщина, которой добивался Санджиев, «подрабатывала кассиром на маршрутном такси <...> с ней пытался общаться один из водителей, который был намного старше ее. Поскольку он был ей неприятен, она не желала общаться с ним, однако Санджиев на протяжении 3 лет навязывал ей свое общение» — звонил и писал смс, несмотря на просьбы оставить ее в покое.

В суде женщина заявила, что из-за этого ей даже пришлось сменить номер телефона, но год спустя Санджиев снова стал звонить и писать ей «смс-сообщения непристойного характера и с различными угрозами» — уже на новый номер.

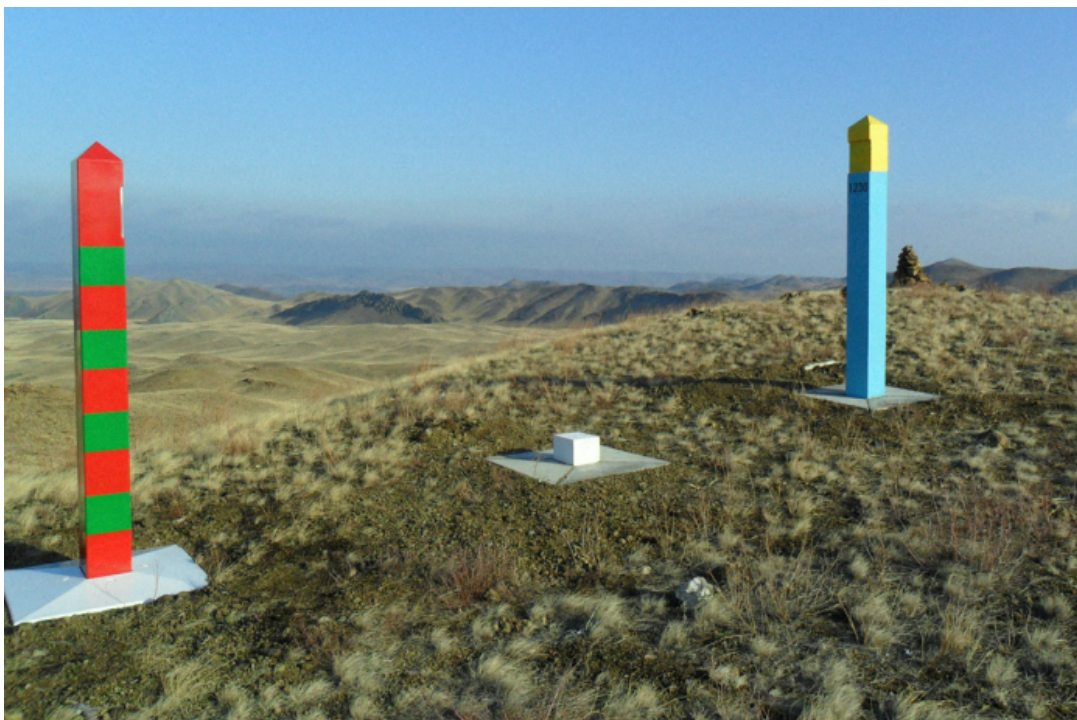
Спустя два года условный срок стал реальным: Игорь Санджиев **получил** два года и один месяц колонии-поселения по статье о причинении легкого вреда здоровью (ст. 115 УК).

Меня привезли в Калмыкию, заставили дать подписку о невыезде. После этого сотрудники военной полиции потащили меня в машину и отвезли в Волгоград. Моих

сослуживцев там уже не было — они все отбыли «туда». От контрактников и мобилизованных, которые приезжали с фронта, я узнал много интересного: половина погибла или разбежалась. Национальное формирование расформировано, остатки передали каким-то другим частям. Меня закрыли в комнате, я находился там как собака в клетке.

Я понимал, что меня отправят на войну. Так как у меня были финансовые средства от того, что мне платили, стал искать контакты, чтобы выйти в город. И тут случай представился. Нашлись люди, которые мне помогли за оплату. Это были другие мобилизованные, они меня охраняли, у них была возможность выходить за пределы части. Они мне сказали, что через неделю я поеду на Донбасс, на сортировку, откуда все едут в Бахмут, а оттуда только одна дорога — наверх, к богу. Я им заплатил, они меня вывезли за город. Они меня охраняли, они меня и вывели. Там я нашел местных жителей с российской стороны (Волгоградская область граничит на востоке с Казахстаном — *ОВД-Инфо*), которые за деньги отвезли меня до границы.

Границу я прошел нелегально — по степи. Опасался — это было днем, но больше страха было, как бы не уехать туда, на Донбасс. Прошел 10 километров. Граница там огорожена сеткой из колючей проволоки высотой с пятилетнего ребенка. Я просто на нее накинул толстую одежду и через нее перелез. Там я доехал до города Уральска и поселился в хостеле.

Пограничный знак на российско-казахстанской границе / Фото Wikimedia Commons

«УКРАИНУ НЕ ПОДДЕРЖИВАЮ, РОССИЮ ТОЖЕ»

В Уральске я связался с Международным бюро по правам человека, и [его руководитель] Павел Кочетков мне подсказал обратиться в органы социальной защиты. Я пришел туда — меня не приняли, начали выгонять и сказали, что нужно сдаваться в миграционную полицию, потому что я нарушаю закон и совершаю уголовное преступление. У них там такая паника была в глазах, в поведении, будто к ним пришел преступник.

Позже мне оттуда позвонили и сказали, что примут заявление. Я вернулся, а в кабинете, куда сказали подойти, сидели все службы города: миграционная полиция, участковый, уголовный розыск, пограничники. Вопросы стали задавать. На меня завели уголовное дело за незаконное пересечение границы.

Третьего мая [2023 года] был суд. Они уперлись, что это преступление против государства и оно имеет общественный резонанс. Как они выразились: «Мы сейчас не должны вас отпускать, потому что подаем плохой пример вашим соотечественникам. Они что, тут сейчас должны в очередь вставать?»

Как только обо мне узнали, на меня вышли представители калмыцкой власти за рубежом — из США и Франции. Мне стали финансово помогать, мы начали общаться. Они говорили, мол, болеем за Калмыкию. После чего они представились борцами за независимость Калмыкии. Они пытались делать мне визу, но под конец, перед самым отъездом, сказали, что надо вступить в их ряды, подписать декларацию за независимость Калмыкии и поучаствовать в речах в поддержку Украины. От меня требовали, чтобы я поддерживал митинги, общественную деятельность.

Я сказал: знаете, моя позиция строго нейтральная. Украину я не поддерживаю и Россию тоже. Моя позиция — это пацифизм, я не участвую ни в каких военных конфликтах. Они мне сказали: «Тогда мы тебя не знаем». И на основании этого я не уехал.

АКТИВИСТЫ, КОТОРЫЕ ПОМОГАЛИ ИГОРЮ, ИНАЧЕ ОПИСЫВАЮТ СОБЫТИЯ

По словам активистки Марии Очир, Игорю помогали участники калмыцкого антиколониального движения. Они оплачивали ему адвоката и хостел, а потом и билеты на перелеты, а также помогли сделать документ, разрешающий переезд во Францию без паспорта.

Санджиев пытался вылететь в Париж дважды. Как рассказывают активисты, в первый раз сотрудница аэропорта в Уральске отказалась пускать его на рейс по документу, сделанному французской стороной.

«Мы всю ночь не спали и стояли на ушах. — вспоминает Очир. — Разработали план, чтобы его отправили на такси в Астану: он еще успевал из Астаны на самолет в Стамбул. Еле нашли таксиста, договорились, он был с [дальнего] рейса и попросил Игоря сесть за руль, если начнет засыпать. Тот уперся: „Вдруг с машиной что-то случится?“»

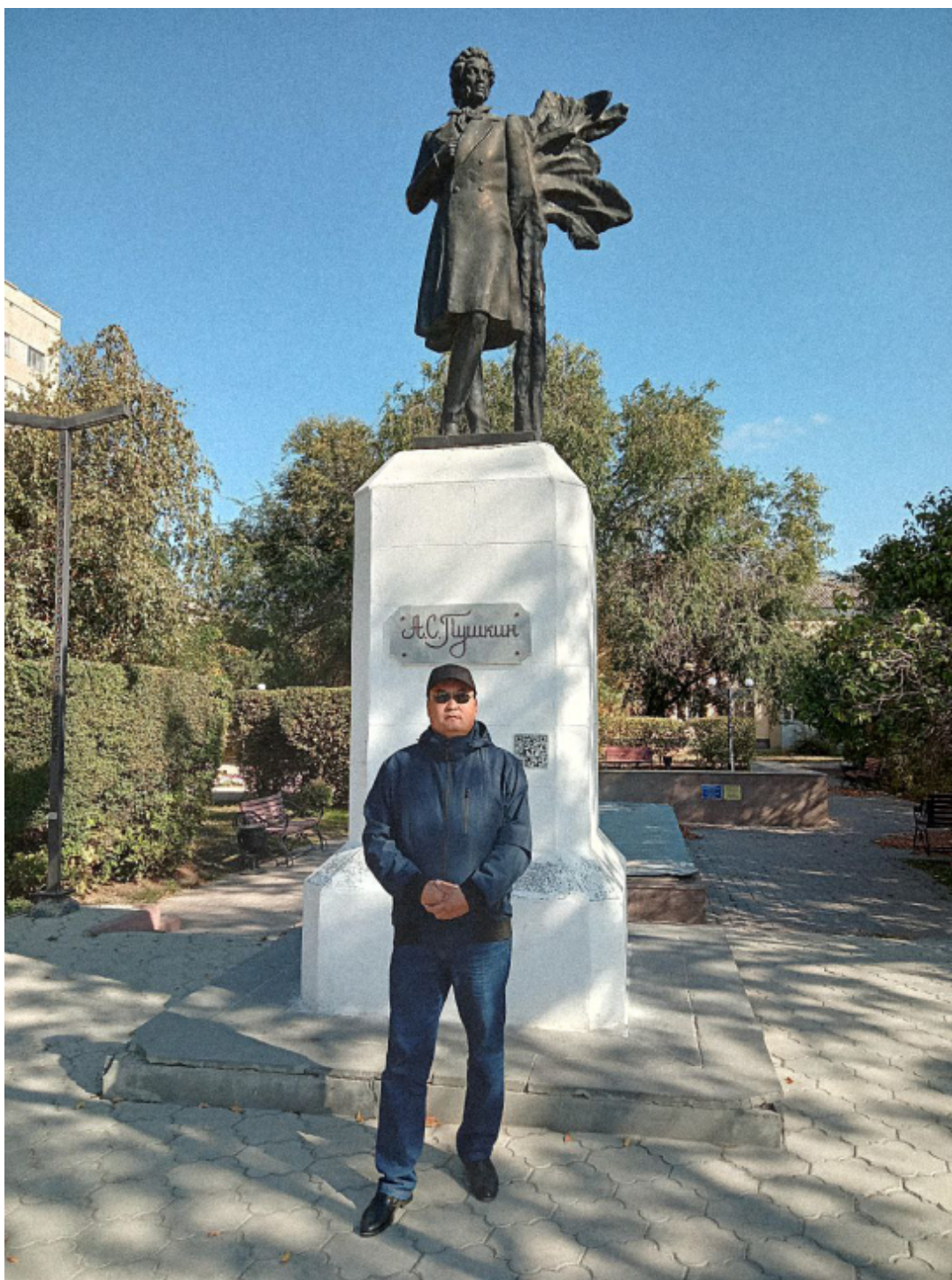
Во второй раз Игорь, по словам калмыцких активистов, не захотел лететь сам, когда узнал, что ему предстоит жить в лагере для беженцев — он счел, что там будут «ужасные условия». Как утверждает Мария Очир, от Игоря не требовали подписания деклараций и выступления на митингах, так как «не существует никакой декларации о независимости Калмыкии».

«К Игорю у меня было и есть теплое отношение, — говорит, тем не менее, Мария. — Из его рода была моя любимая тетя. Он мне ее так напоминает! Я бы хотела и дальше ему помогать и поддерживать».

Понимаете, с другой стороны, я опасался уголовного преследования. За призывы к так называемой независимости Калмыкии в России большие сроки. Я был далек от мыслей о независимости Калмыкии. Я считаю, эти мысли утопические. По их словам, независимость Калмыкии принесет победа Украины. А когда победит Украина — «мы сами не знаем».

В сентябре прошлого года мне отказали в статусе беженца. В феврале этого года я подал прошение через миграционную полицию Казахстана на политубежище. Документы у меня собрали, они сейчас в миграционной полиции Астаны. Но вышла загвоздка: в комиссию по гражданству их не передают, аргументируя тем, что у меня был приговор за незаконный переход границы. Приговором было выдворение, но оно в отношении меня не действует. Судимость погашена — прошло два года. В связи с отказом передать мое ходатайство

на предоставление убежища в комиссию по гражданству
я подал гражданский иск к миграционной службе
Казахстана.

Игорь Санджиев в Казахстане / Фото из личного архива

Загранпаспорта и российского паспорта у меня нет —
документы и мобильный телефон забрали военные
в Волгограде. Я вынужден что-то здесь предпринимать
и нахожусь в уязвимом положении. Морально себя

чувствую не очень хорошо. Работу найти сложно, дохода практически нет. Я все время работал здесь на грузовой машине, но, к сожалению, работать не дают сотрудники полиции, предприниматели опасаются со мной связываться — якобы я известная личность, и от меня могут быть проблемы.

Из-за действий спецслужб родственники, друзья и знакомые в Калмыкии от меня отвернулись. Там они подвергаются политическому давлению, их вызывают на допросы, заставляют писать объяснительные, выясняют подробности моей жизни, пугают уголовным преследованием за связь с экстремистами и террористами. Поэтому никакой помощи от них я не получаю — ни моральной, ни тем более финансовой.

Родственники пытались связаться, но это было давно. В пабликах типа «Подслушано Калмыкия», «Отзывы Калмыкия» или «Добро пожаловать, Элиста» мне постоянно пишут угрозы и оскорбления, мол, «скоро достанут», «осталось недолго, наши коллеги из Казахстана за тобой уже выехали». Скриншотов не сохранилось, потому что эти сообщения в группах сразу удаляются.

По дому я не скучаю. Там меня уже никто не ждет.

Записала Марина-Майя Говзман

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ